

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 9.93.

ПРИХОДСКОЙ СВЯЩЕННИК — ПАСТЫРЬ? ЗЕМЛЕПАШЕЦ? КРЕДИТОР? ¹

Е. Д. Сулова

Петрозаводский государственный университет,
*исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии, кафедра
всеобщей истории*

В статье рассматривается деятельность сельского священника, связанная с его участием в системе мелких займов в середине 1660-х гг. Сопоставительный анализ сведений актов приказного делопроизводства, писцовых и переписных книг позволил изучить отношения, складывавшиеся между крестьянами и земскими старостами, роль родственников клирика и позицию олонецких воевод в урегулировании конфликта. Удалось установить, что священник и взрослые члены его семьи являлись одними из самых зажиточных людей Сямозерской и Вешкелицкой волостей Олонецкого погоста. Авторитет клирика как лица, обладавшего особой духовной властью, поддерживался и всецело использовался местными воеводами для решения административных задач.

Ключевые слова: приходской священник, крестьянская община, Олонецкий уезд, Сямозеро, Вешкелицы, XVII век.

Хозяйственная деятельность духовенства в приходах Олонецкого уезда в середине XVII в. была тесно связана с системой мелких займов. Как удалось показать в одной из ранее опубликованных статей, священнослужители нередко выступали кредиторами крестьян и в случае нарушения сроков выплаты долгов шли на открытый конфликт с ними². Однако обращение в суд не всегда гарантировало возврат долга – не столько в связи с обстоятельствами личной жизни клирика-кредитора, сколько из-за нежела-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Церковь и крестьянское сообщество в Карелии эпохи раннего нового времени», № 11-31-00348а, и в рамках Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012—2016 гг. в ходе реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

² Сулова Е. Д. Духовенство и миряне Олонецкого уезда: опыт урегулирования кабальной тяжбы в Шуйском погосте в середине XVII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История. 2010. № 4. С. 75–86.

ния мирян возвращать долги, их стремления переложить ответственность с себя на общину в целом³.

Представляется, что всестороннее изучение отдельных житейских ситуаций, связанных с участием клира в выдаче займов крестьянам и взысканием долгов по кабалам, предоставляет уникальную возможность выявить особенности социального статуса представителей приходского духовенства на северо-западной окраине Московского государства в раннее новое время.

В центре внимания – деятельность сельского священника Сямозерской волости Олонецкого погоста Гаврилы Григорьева, связанная с выдачей денег и хлеба местным крестьянам в середине 1660-х гг. В основе исследования – документы из фонда «Олонецкой воеводской избы», хранящегося в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (ф. 98). Среди них – подписные челобитные клирика и крестьян, отписки старост и наказные памяти воевод. Особую ценность представляют поголовные сведения переписной книги солдатского высылщика Ивана Дивова 1657 г. о местных крестьянах – пашенных солдатах, нередко становившихся должниками, а также писцовых (1616–1619, 1628–1638 гг.) и переписных книг (1646, 1707 гг.) о церковном причте Сямозера и размерах его земельных участков⁴.

Обстоятельства заключения сделки. В челобитной, поданной 30 марта 1664 г., священник Гаврила Григорьев просил взыскать 30 коробей ржи «в самозерскую меру» и 35 рублей «денех по кабалам и по записем за полицы» с семи бывших старост Сямозерской волости. Удалось установить, старосты, упомянутые в иске, исполняли полномочия в разные годы: Ефрем Исаков – в 1656/57 и в 1662/63 гг., Иван Савельев – в 1659/60 г., Тимофей Трофимов Блазнин и Власка Юрьев – в 1662/63 г.⁵ Это означает, что заимодавец указал общую сумму долга, скопившуюся за минувшие годы, но не более чем за пятнадцать лет – согласно статьи 256 Главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 г.⁶

Объём хлеба, предоставленного крестьянам, на данном этапе исследования оценить не удаётся в связи с отсутствием в доступных нам источниках упоминаний о вместимости коробьи ржи в «самозерскую меру». В то же время эта мера вряд ли была значительно больше других местных мер. Для сравнения укажем, что новгородская коробья вмещала четыре четвертки, или семь пудов, ржи (114,66 кг)⁷. В южном Мегорском погосте Олонецкого уезда, как следует из свидетельства крестьянина-челобитчика Сели-

³ Сулова Е. Д. Указ. соч. С. 77, 79, 83.

⁴ Описание Олонецкого погоста в переписной книге писца Ивана Аничкова 1678 г. утрачено.

⁵ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 98. Олонецкая воеводская изба. К. 3. Д. 1. Ст. 1; Д. 27. Ст. 1; К. 4. Д. 71. Ст. 34об.; К. 5. Д. 72. Ст. 1.

⁶ Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии / подготовка текста Л. И. Ивиной; комм. Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха. Л., 1987. С. 61 (далее – Соборное Уложение).

⁷ Шостын Н. А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX века. М., 1975. С. 44.

ванки Калинина, в 1666/67 г. три коробыи ржи в «мегорскую меру» вмещали «в умолоте» ржи на 60 суслонов⁸.

Значительно проще оценить косвенную стоимость суммы денег, которые священник выплатил общине за поставку железа. На 35 рублей (или 7000 денег⁹) в уезде можно было приобрести всё что угодно – от сельскохозяйственного инвентаря до украшений и скота. Так, например, из иска шунжанина Гаврилки Афонасьева следует, что весной 1664 г. «жерепчик двулетка гнедой» стоил пять рублей (1000 денег), «корова черна пестра» – два рубля (400 денег), «шуба боранья одевальница новая» – 40 алтын (240 денег), «фезези женские под крашениной ис-под заде» и «двойны серебряные» – по рублю с полтиной (по 300 денег), «попона лошадиная пестрая» – полполтины (50 денег), «кафтан сермяжной белой» – полтину (100 денег), «вожжи волосяные да веревка» – пять алтын (30 денег)¹⁰.

Отметим также для сравнения, что 35 рублей роздал крестьянам окрестных волостей, ожидая от них поставки к январю 1664 г. 620 ценных полиц (1550–1860 кг железа¹¹), священник Федор Ларионов, родной племянник нашего клирика-заимодавца, состоявший в причте в соседней Вешкелицкой волости¹².

Семья Гаврилы Григорьева: источники благосостояния. Служение в Сямозерском приходе Гаврила Григорьев начал в 1640-е гг., заняв место отца, священника Григория Семенова¹³. В начале 1630-х гг. семья проживала в деревне Онкудинки Кононова на Гай Наволоке со значительной по размерам пашней. Большая её часть представляла собой перелог и то, что «лесом поросло»: 55 четей без третника; две чети писец Никита Панин положил на оброк, и только «семь четей с осминой без полчетверика» были им определены как «паханая тяглая пашня»¹⁴. В сопоставимом с современными

⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 6. Д. 7. Ст. 1. Суслон – копна сжатого хлеба; несколько снопов, поставленных для просушки стоймя, колосьями вверх и покрытых сверху снопом, а также мера количественного счета сжатого хлеба (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. / гл. ред. В. Б. Крысько. М., 2011. Вып. 29 С. 63).

⁹ Один рубль составлял 200 денег (Куратов А. А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991. С. 20).

¹⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 75. Ст. 1.

¹¹ Опираемся на сведения, выявленные И. А. Черняковой. Привлекая данные Н. В. Устюгова о том, что вес цренной полицы составлял 6–7,5 фунта, и указания Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова о том, что в фунте было 409,5 г., она определяет вес одной полицы в 2,5–3 кг. См.: Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 287.

¹² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 18. Ст. 1.

¹³ Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского, 1616–1619 гг. («дворцовые» земли) // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА. Ф. 1209). Кн. 8554. Л. 73об.; Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Н. Панина и подьячего С. Копылова, 1628–1631 гг. // Там же. Кн. 308. Л. 118 (далее – ПК 1628–1631); Переписная книга Заонежских погостов И. Писемского, Л. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева, 1646 г. // Там же. Кн. 980. Л. 34 (далее – ПК 1646).

¹⁴ ПК 1628–1631. Л. 118.

мерами площади измерения пашня на оброке и в тягле составила 13,16 дес. в трёх полях, в то время как «впусте» (перелог и то, что «лесом поросло») оставалось 82,3 дес. в трёх полях¹⁵. Сенные угодья также были весьма значительными и составляли ежегодно: «в Кожине Наволоке» – 11 копен, «под деревнею на Инже Наволоке» – 22 копны, «под деревнею в Лахте Губе за озером» – 8 копен, и «под рекою на Сямоозере в Мягре» – 4 копны¹⁶.

Хотя сведений о том, какая часть считавшейся впусте пашни была включена в последующие годы в севооборот, не сохранилось, из челобитной самого священника Гаврилы Григорьева ясно, что он существенно расширил землю в собственном пользовании, получив под заклад на тринадцать лет – начиная с 1659/60 г. – участок крестьянина-сямозерца Демешки Дементьева Аблеева за 18 рублей «белых серебряных»¹⁷. Согласно писцовой книге начала 1630-х гг. тяглая пашня «худые земли» составляла в этой деревне три чети и полтора четверика (4,78 дес. в трёх полях), пашня на оброке – четь без третника (1,2 дес. в трёх полях), перелог – четь (1,5 дес. в трёх полях)¹⁸. За пользование закладной землей иерей должен был уплачивать подати в казну, как и со своего родового участка. Об этом позволяют судить приведённые писцом Андронимом Апрелевым в переписной книге 1707 г. свидетельства клириков и причетников Сямозера, которые утверждали, что «живут... на тяглых деревенских участках и всякие великого государя доходы платят з дворцовыми крестьяны»¹⁹.

Помимо труда на пашне, Гаврила Григорьев получал прибыль за счёт скупки у местных крестьян железа и его перепродажи. Уверенно полагаем, что торговля железом была общим семейным делом, в которое были вовлечены его родственники – племянник Федор Ларионов, состоявший в причте Вешкелицкой церкви того же Олонецкого погоста, и родной брат – Калина Григорьев Попов, житель Олонецкого посада²⁰.

В частности, в январе того же 1664 г. священник Федор Ларионов ожидал поставки крестьянами шести волостей железа на сумму в 48,5 рублей. Двое из десяти его должников должны были привезти крицы (за что получили по три рубля), остальные – по 50–120 штук полиц (всего 720 полиц)²¹. Калинка Попов потребовал взыскания денег с крестьян Вешкелиц-

¹⁵ Четь в одном поле – 1,5 дес. в трёх полях; осьмина без получетверика – 0,44 чети; четь без третника — 0,833 чети. См.: *Чернякова И. А.* Землепользование в Обонежской пятине. Заонежские погосты // *Аграрная история северо-запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)* / рук. авт. коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989. С. 140–142.

¹⁶ ПК 1628–1631. Л. 118.

¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 163(1). Ст. 1.

¹⁸ ПК 1628–1631. Л. 126.

¹⁹ Переписная книга помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян и церковнослужителей Олонецкого уезда, Сямозерской и Святозерской волостей и семи Лопских погостов А. Апрелева, 1707 г. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 8579. Л. 439.

²⁰ ПК 1646. Л. 34.

²¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 18. Ст. 1.

кой волости Спирки Якимова и его брата Матфея, нарушивших обязательство по поставке 220 цренных полиц²².

Ключевую роль в скупке железа играл Калина Попов. Переселившись на Олонец не ранее начала 1650-х гг., он быстро включился в торговые операции. Его деятельность, по всей видимости, оказалась успешной: в 1672/73 г. он уже был головой олонечкой таможни²³. Вероятно, хорошо зная конъюнктуру складывавшегося рынка, Калина Попов привлёк родственников к участию в выгодном деле и выступил его организатором (согласно статье 3 Главы XIX «О посадских людех» Соборного Уложения 1649 г., самим священнослужителям запрещалось вести торговлю с целью извлечения прибыли)²⁴.

Заказчиком, скупавшим железо, являлась государственная казна. А. Ю. Жуков, подробно проанализировавший деятельность олонечких воевод в годы Русско-шведской войны (1656–1664 гг.), отмечает, что в 1656/57 г. на покупку железа и угля «для городского “мостового и судового дела”», на производство гвоздей и скоб для пушечных лафетов и «на корм и наём» кузнецов и станочных мастеров в Олонечком уезде было истрчено более 85 руб.²⁵ Исследователь указывает, что в приходо-расходных книгах за 1657/58–1660/61 гг. присутствуют «аналогичные записи о тратах»²⁶. С нашей точки зрения, воеводы, занятые организацией наступления на Кексгольм, а затем обороной Олонца, вряд ли обращали внимание на социальный статус лиц, у которых они скупали железо.

Спор о хищении общинных денег: кто должен был вернуть долги? Сроки возврата крестьянами денег и хлеба священнику Гавриле Григорьеву зависели от результатов разбирательства, которое возникло между земскими старостами и дворохозяевами по вопросу выплаты кабальных долгов, взятых на «общемирские» нужды.

Ещё осенью 1662 г. – за полтора года до подачи иска священником – сязомерцы обвинили своего земского старосту Власа Юрьева в присвоении денег, уже собранных им для выкупа кабальных записей у кредиторов. Узнав о жалобе крестьян, воевода Терентий Васильевич Мышецкий отстранил старосту от занимаемой должности «для его продаж»²⁷. Быстро рассмотреть дело и найти виновных крестьянам не удалось: Терентия Васильевича Мышецкого (13.04.1659–22.09.1663 гг.) сменил новый воевода – Василий Александрович Чоглоков (29.09.1663–12.02.1667 гг.).

Обвиняемый – Власка Юрьев – решил воспользоваться этим обстоятельством и представить ход разбирательства в выгодном для себя свете. В

²² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 22. Ст. 1.

²³ Там же. К. 6. Д. 110. Ст. 6.

²⁴ Соборное Уложение. С. 296–297; *Архангельский М. Ф.* О Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. (7156 г.) в отношении к Православной Русской Церкви. СПб., 1881. С. 109–110.

²⁵ *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 217.

²⁶ Там же.

²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 71. Ст. 34об.

челобитной, поданной в январе 1664 г., он писал, что в 1662/63 – 1663/64 гг. «в розных числах» Агей Андреев – вновь избранный староста – «бил челом... о щете», т. е. о проверке всей финансовой документации в присутствии жителей волости, однако умалчивал, состоялся «счет» или нет²⁸. Челобитчик заявлял, что Агей Андреев «с товарищи немногими людьми» самовольно без согласия общины добились его смещения, взыскали «ложно» деньги, чем «изубычили и животы... без остатку разграбили»²⁹. Оправдываясь и подчеркивая, что «лишних никаких мимо волостного веления зборов не брал», Власка Юрьев просил об этом «в тое Сямозерския и Вескелюския волости сыскать жилецкими людьми»³⁰. Тем не менее новый воевода не предпринял никаких поспешных действий и повелел «послать по Агейка пристава и... поставить к очной ставки на Олонец»³¹.

Агейка Андреев представил дело в совершенно ином ключе. С его слов, Влас Юрьев уже был «... мирскими людьми на щете по разводным памятем», и по результатам проверки община взяла с него обязательство выплатить «учотных денег» 61 рубль 25 алтын к 1 октября 1663 г.³² Однако, подчёркивал челобитчик, Власка Юрьев денег не вернул – ни к осени этого, ни к весне следующего года.

Подача иска священником-кредитором в марте 1664 г., безусловно, способствовала ускорению разбирательства между общиной и бывшим старостой. Как следует из резолюции на документе, воевода Василий Александрович Чоголков потребовал организовать очную ставку между клириком и его должниками «после пашенной поры» на праздник Покрова Богородицы 1664 г.³³ Кроме того, Агей Андреев получил разрешение «начетные деньги по счёту... доправить против записи» на «бывших» земских старостах, обвинявшихся в присвоении «мирских» денег³⁴.

В марте–июне 1664 г. в Сямозере проводилось взыскание долгов. Об этом становится известно из трёх отписок, которые поступили в олонекскую воеводскую избу 4 июля. Одна из отписок была составлена сямозерцами Михалкой Харитоновым и Кирилкой Прокопьевым, получившими наказ розыскать «бывших» старост Власку Юрьева, Ивашка Савельева, Гаврилку Вахтиева, Андрюшку Лебедова, Демешку Дементьева и «по розводу старосты Агейки Андреева деньги доправить»³⁵. Однако исполнить поручение приставом не удалось. Они сообщали, что только «Ивашко Савельев по своему розводу деньги заплатил», многие «учинились государеву указу непослушны», а «Власка Юрьев с сыном своим Самылкою» их «били до увечья»³⁶.

²⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 17. Ст. 1.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Д. 107. Ст. 1.

³³ Там же. Д. 96. Ст. 1.

³⁴ Там же. Д. 107. Ст. 1.

³⁵ Там же. Д. 158. Ст. 1.

³⁶ Там же.

Имея опыт административной службы, воевода не был склонен доверять ни сямозерцам, ни прежним земским старостам-должникам. Он повелел продолжить взыскание долгов и выяснить обстоятельства случившейся драки. Только в случае, если «в сыску многие люди скажут, что... они... государеву указу учинились непослушны, и за то приставов били, а не за свою ссору», воевода велел «за их воровство учинить наказание: бить батоги нещадно»³⁷.

В двух других отписках сообщалось о дальнейшем взыскании «по розводу» денег с «бывших» старост волости – Ефремки Исакова и Якушки Иванова³⁸. При этом сямозерцы Лучка Терентьев и Демешке Семенов должны были «сыскать... Ефремку Исакова» и организовать очную ставку со старостой Агеем Андреевым «в бою и в увечьи, и безчестьи»³⁹. В то же время жителю посада Минке Харитонову в сопровождении сямозерского священника Гаврилы Григорьева и вешкелицкого священника Федора Ларионова поручалось с Ефремки Исакова и Якушки Иванова «с товарищи» по челобитной старосты Сямозерские волости Агея Андреева и «по розводу деньги доправить»⁴⁰. Из этого следует, что воевода Василий Александрович Чоглоков разделил обязанности – выяснение обстоятельств ссоры поручил местным крестьянам, а взыскание долгов – жителю посада, не заинтересованному в том или ином исходе дела, и приходским клирикам, которые, по всей видимости, рассматривались в качестве примиряющей третьей стороны. При этом упускалось из виду, что сами священники – кредиторы крестьян – были заинтересованы в возвращении старостами денег общине. Хотя вряд ли воевода обращал внимание на эту деталь: частная челобитная священника и тяжба о хищениях старост могли им восприниматься как два разных и менее всего связанных между собой дела.

Однако ни самим сямозерцам, ни жителю посада при участии церковного причта урегулировать дело не удалось. Так, Лучка Дементьев и Демешка Семенов сообщали, что «Ефремко... учинилсе государеву указу непослушен, чинилсе силен, в суд не пошел»⁴¹. Священники уведомляли о том же: Якушка Иванов и Ефремка Исаков, «выслушав государев указ... денег по розводу Агея Андреева не платили, чинились государеву указу непослушны и нас... и за собя, и за товарищив своих отказали»⁴².

После получения отписок последовали повторные, теперь значительно более суровые меры. Староста волости Ефрем Исаков должен был предстать в суд «при понятых людех» и вернуть «по... роскладу» деньги «старосте с роспискою», а «за ослушанье» полагалось «наказанье: бить батоги нещадно»⁴³.

³⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 158. Сст. 1.

³⁸ Там же. Д. 159. Сст. 1.

³⁹ Там же. Д. 160. Сст. 1.

⁴⁰ Там же. Д. 159. Сст. 1.

⁴¹ Там же. Д. 160. Сст. 1.

⁴² Там же. Д. 159. Сст. 1.

⁴³ Там же. Д. 159. Сст. 1; Д. 160. Сст. 1.

Хотя о ходе дальнейшего разбирательства сведений не сохранилось, известно лишь, что, несмотря на затянувшуюся между крестьянами и старостами тяжбу, священник Гаврила Григорьев не оставлял надежд на погашение долга общиной и рассчитывал на помощь администрации в лице олонцкого воеводы. Об этом свидетельствует поданная им в приказ 11 июля 1664 г. вторая челобитная с просьбой взыскать долги ещё с четырнадцати крестьян и солдат из Улялешской и Крошнозерской волостей Олонцкого погоста. Долг, указанный клириком в челобитной, составил не менее внушительную, чем ранее, сумму – «двадцать рублей с полтиной»⁴⁴.

Были ли выплачены долги? Последствия конфликта. Сведения из жизни некоторых земских старост и крестьян-должников позволяют заключить, что большая часть долгов священнику была всё же возвращена.

На уплату долга могли пойти деньги, которые вернул еще до июля 1664 г. один из семи старост – Ивашка Савельев, с которым у семьи клирика сохранялись добрососедские отношения⁴⁵. Так, например, в сентябре 1675 г. именно Ивашка Савельев уверил воеводу Ивана Ивановича Чаадаева в том, что жители Сямозера единодушно выбрали в старосты сына священника – Никиту Гаврилова Попова⁴⁶. Известно и то, что в начале 1680-х гг. сыновья клирика Микита и Офонка Гавриловы совместно с Ивашкой Савельевым вели торговлю ряпушкой и судаками и имели общих покупателей-олончан, в том числе подьячего Ганку Якимова и стрельца Ивана Матфеева Прилукина⁴⁷.

Староста Ефрем Исаков, по всей видимости, отказывался возвращать долг в марте-июле 1664 г. в связи с тем, что незадолго до этого, а именно в январе 1659 г., он был вынужден выплатить из своего кармана деньги, взятые в 1656/57 г. под кабалы «на мирской расход»⁴⁸. В иске, поданном с жалобой на крестьян своего старощения, Ефрем Исаков не указал общей суммы денег, которые он внёс за крестьян, однако жаловался, что все «животишка свои искучил»⁴⁹. В 1670-х гг. он смог вернуть доверие общины и продолжал участвовать в земских делах. Из его челобитной, поданной в сентябре 1680 г., следует, что в «старощение» Никиты Гаврилова сына Попова в 1675/76 г. – и не без согласия последнего – он «посылан был... для челобитья к Москве об отставки стрелчества»⁵⁰.

Несмотря на это, отношения с сыновьями священника у старосты Ефремки Исакова в 1670-е гг. так и не сложились. В 1675/76 г., с его собственных слов, «Гаврила Попов и с отцом своим, с попом Гаврилою Григорьевым» на него «находили и били, и руку переломили, и всего розбили до крови, вечное увечье учинили»⁵¹. Вероятно, ссора была связана с желанием

⁴⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 163 (1). Ст. 1.

⁴⁵ Там же. Д. 158. Ст. 1.

⁴⁶ Там же. К. 7. Д. 92(д). Ст. 1—2.

⁴⁷ Там же. К. 10. Д. 36. Ст. 1; Д. 52. Ст. 1.

⁴⁸ Там же. К. 3. Д. 1. Ст. 1.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. К. 9. Д. 95. Ст. 1.

⁵¹ Там же. Д. 94. Ст. 1

Ефрема Исакова получить деньги за исполнение обязанностей волостного посыльщика, чтобы вернуть долги, взятые им для исполнения мирского поручения⁵².

Удалось выявить сведения о Самыле Власеве, сыне ещё одного старосты-должника – Власки Юрьева. Спустя десять лет после тяжбы, в декабре 1674 г. Самыла Власьев ограбил сямозерца Мишку Захарьева, как отмечал сам Мишка, «сведав» у него «деньги с собою»⁵³. В челобитной сямозерец пожаловался, что Самыла его «бил до великого увечья и голову топорком переломал, и руки ножом обрезал, и на том бою черес с пояса 3 деньгами оторвал, а денег в чересу пять рублей восьми алтын две деньги»⁵⁴. Вероятно, пойти на подобный шаг Самылу Власьева заставили непростые жизненные обстоятельства, вполне вероятно связанные с давними долгами отца, считавшимися в семье несправедливо не возвращёнными общиной.

В судебных делах, разбиравшихся олонецкими воеводами во второй половине 1660-х — 1670-х гг., священник Гаврила Григорьев и его взрослые сыновья не упоминаются в числе кредиторов крестьян, которые теперь занимали деньги у зажиточных жителей посада⁵⁵. Если священнослужитель и члены его семьи продолжали раздавать деньги и хлеб прихожанам, им удавалось разрешать конфликты в частном порядке, или на уровне волостного суда.

Тем не менее семья клирика по-прежнему считалась одной из состоятельных в волости, о чём свидетельствует исполнение сыновьями Гаврилы Григорьева обязанностей земских старост – Микитки в 1675/76 и 1679/80 гг., Афонки в 1675/76 г. и Ганки в 1679/80 г.⁵⁶ Как правило, в старосты администрация требовала избирать материально обеспеченных крестьян, что гарантировало исправность выплаты в срок податей и экстраординарных сборов⁵⁷. Избрание мирянами на должность земского старосты волости в 1679/80 г. Афонки и Ганки Поповых, как показали дальнейшие события, вполне соответствовало предъявляемым к кандидатам требованиям. В 1680 г. сыновья клирика вынуждены были выплатить подати за крестьян, с которых не удалось собрать деньги к положенному сроку: Ганка Попов внес в казну 26 рублей, Офонка Попов – 45 рублей⁵⁸.

Таким образом, в хозяйственной жизни крестьянской общины в Карелии во второй половине XVII в. постепенно складывались устойчивые группы влиятельных лиц, связанных друг с другом не только родственными, но и торгово-экономическими связями. Центральное место нередко за-

⁵² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 9. Д. 95. Ст. 1.

⁵³ Там же. К. 8. Д. 73л. Ст. 1.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. К. 8. Д. 12е. Ст. 1; Д. 34. Ст. 1—2; К. 9. Д. 120. Ст. 1; К. 10. Д. 36. Ст. 1; Д. 46. Ст. 1.

⁵⁶ Там же. К. 7. Д. 109. Ст. 1; К. 9. Д. 48. Ст. 28; Д. 94. Ст. 1—2; Д. 120. Ст. 1.

⁵⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. С. 305.

⁵⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 98. К. 10. Д. 122. Ст. 1—2; Д. 153. Ст. 1.

нимал приходской священник и его родственники. Наряду с зажиточными крестьянами и жителями посада, они активно участвовали в скупке железа, в выдаче займов хлебом и деньгами.

Материальная обеспеченность священника и его семьи определялась не только ругой, выплатами за исправление церковных треб, но и неизбежным в те времена трудом на пашне. Дополнительные возможности достижения благополучия и даже обогащения создавались особенностями социального статуса клириков – освобождением от службы в пашенных солдатах, от выплаты экстраординарных податей – довольно частых в годы русско-шведской войны 1656–1661 гг.

При этом торговые операции могли осуществляться, как в рассмотренном нами случае, при поддержке ближайших родственников ввиду запрета клирикам вести торговлю с целью извлечения прибыли. Выдача денег и продуктов сельского хозяйства была не менее рискованным делом, так как отказ должников от принятых на себя обязательств ставил кредитора, будь-то староста из «изможных крестьян» или местный священник во главе семейного клана, на грань разорения.

Как выясняется, в конечном счёте возврат долгов зависел от настроений внутри общины и её платежеспособности. Судебная тяжба, возникшая между прежними земскими старостами, обвинёнными в хищении мирской казны, и крестьянами способствовала сплочению общины, которая оказалась на стороне кредиторов, в том числе и священника Гаврилы Григорьева. Совершенно иная ситуация сложилась в соседнем Шуйском погосте, в котором в те же годы вдова священника Гаврилы Осипова вела тяжбу с крестьянами-должниками. Там разногласия возникли внутри общины – между самими крестьянами: более состоятельные не желали выплачивать долги за бедных или покинувших свои дворы. Ответственность перекладывалась друг на друга, и долг так и не был взыскан⁵⁹.

Приходской священник занимал особое место в контексте реализации властных полномочий региональной администрации. Олонецкий воевода рассчитывал на его авторитет и влияние в приходе, особенно тогда, когда в волости возникали конфликтные ситуации и земское управление оказывалось неэффективным. В этих случаях, даже будучи лицом заинтересованным в том или ином исходе дела, клирик выступал в роли примиряющей третьей стороны.

Список литературы

1. *Архангельский М. Ф.* О Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. (7156 г.) в отношении к Православной Русской Церкви. СПб., 1881.
2. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления.

⁵⁹ *Суслова Е. Д.* Указ. соч. С. 86.

3. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003.
4. Куратов А. А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991.
5. Суслова Е. Д. Духовенство и миряне Олонецкого уезда: опыт урегулирования кабальной тяжбы в Шуйском погосте в середине XVII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История. 2010. № 4.
6. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998.
7. Чернякова И. А. Землепользование в Обонежской пятине. Заонежские погосты // Аграрная история северо-запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) / рук. авт. коллектива А. Л. Шапиро. Л., 1989.
8. Шостьин Н. А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX века. М., 1975.

A PARISH PRIST — A PASTOR? A CULTIVATOR? A CREDITOR?

Evgeniia D. Suslova

Petrozavodsk State University, Department of General History, Research Laboratory of local and miroistorii of Karelia

The article is focused on the activity of the village priest, which was connected with his participation in the system of petty loans in the middle of the 1660s. The comparative analysis of information from deeds, scribe books and census books allows us to investigate relations between the peasantry and their elders, the role of cleric's family and to estimate the position of olonets military commanders towards the case. It becomes obvious that the priest and members of his family were ones of the most prosperous persons in Syamozero and Veshkelitsa districts at the pogost of Olonets. The olonets military commander used the status of the priest as a pastor for solving administrative tasks.

Keywords: *parish priest, peasant community, uezd of Olonets, Syamozero, Veshkelitsa, XVII century.*

Об авторе:

СУСЛОВА Евгения Дмитриевна – Петрозаводский государственный университет, кафедра Всеобщей истории, Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии, кандидат исторических наук, e-mail: evgenia.suslova@mail.ru

About the authors:

SUSLOVA Evgeniia Dmitrievna – Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor, Petrozavodsk State University, Department of General History, Research Laboratory of local and micro-history of Karelia, 185910, Russia, Petrozavodsk, Anokhina st., 20, room 309, e-mail: evgenia.suslova@mail.ru

References

- Arkhangel'skii M. F. O Sobornom Ulozhenii tsarya Alekseye Mikhailovicha 1649 g. (7156 g.) v otnoshenii k Pravoslavnoi Russkoi Tserkvi. SPb., 1881.
- Bogoslovskii M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v. M., 1909. T. 1: Oblastnoe delenie Pomor'ya. Zemlevladienie i obshchestvennyi stroi. Organy samoupravleniya.
- Kuratov A. A. Metrologiya Rossii i Russkogo Severa. Arkhangel'sk, 1991.
- Zhukov A. Yu. Upravlenie i samoupravlenie v Karelii v XVII v. Velikii Novgorod, 2003.
- Suslova E. D. Dukhovenstvo i miryane Olonetskogo uезда: opyt uregulirovaniya kabal'noi tyazhby v Shuiskom pogoste v seredine XVII v. // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya. 2010. № 4.
- Chernyakova I. A. Kareliya na perelome epokh: Ocherki sotsial'noi i agrarnoi istorii XVII v. Petrozavodsk, 1998.
- Chernyakova I. A. Zemlepol'zovanie v Obonezhskoi pyatine. Zaonezhskie pogosty // Agrarnaya istoriya severo-zapada Rossii XVII veka (naselenie, zemlevladienie, zemlepol'zovanie) / ruk. avt. kollektiva A. L. Shapiro. L., 1989.
- Shost'in N. A. Ocherki istorii russkoi metrologii XI–XIX veka. M., 1975.

Статья поступила в редакцию 27.03.2013